

одного румынского писателя, найдем опять неожиданно в известной статье *Собственные имена в комических произведениях Караджале*. Желая объяснить, почему у нашего великого сатирика молдавские имена собственные не являются нарицательными, банальными, как и мунтянские (Лаке, Маке & Со), Ибразилю замечает, что своей «оригинальностью» и даже «причудливостью» они «напоминают гоголевские имена». «И действительно, — продолжает критик, — даже и персонажи похожи на гоголевских в том смысле, что остались за пределами общего потока жизни и обладают странностями, обусловленными этим положением»¹. Развивая эту мысль, Ибразилю устанавливает и более наглядный параллелизм: «... эти имена прекрасно отражают характер специального, устаревшего, оригинального, «пережиточного», — всего того, что отобразил «Гоголь в своих произведениях». Замечание поражает своей тонкостью и побуждает на дальнейшие сопоставления. Ведь и у Гоголя есть нарицательные имена — Бобчинский и Добчинский, Башмачкин, Ковалев и т. д., — как и у румынского сатирика они используются в целях подчеркнуть банальность, посредственность, нарицательный характер персонажей. Гоголь обращается к этим именам особенно тогда описывает чиновничью среду. В *Шинели* значительное число действующих лиц безымянно. И в то же время, по мере того, как среда становится более анахроничной, ... имена становятся более «оригинальными»; более причудливыми являются украинские имена, аналогичные молдовским именам Караджале.

Ссылки на русскую литературу часто имеют место в исследованиях Ибразилю, когда ему нужны примеры для большей наглядности его теоретических положений. Известен интерес критика к роману, жанру, в развитии которого он видел зрелость литературы. Именно поэтому Ибразилю требовал очень многого от романа. Синтез этих требований дан в связи с *Анной Карениной* Толстого, о котором говорится, что «ни один роман в зарубежной литературе не объединяет в себе так много и таких разнообразных качеств.» Далее следует своего рода определение «совершенного» романа: «Глубокое и обстоятельное наблюдение, тонкость анализа, огромная сила выявления жизни, глубина мировоззрения, глубоко человеческое отношение к личности, захватывающий интерес, создаваемый сложным переплетением характеров, а не «интригой», естественность и спонтанность изложения, величие построения — вот сколько качеств, благодаря которым роман Толстого становится шедевром гения»². Интересно заметить, что в известной мере Ибразилю вернется к этой проблеме в *Творчестве и анализе*, однако на этот раз она будет рассматриваться в сравнительном плане. «Среди великих творцов романа самым приятным является Толстой. У него нет художественных претензий, как у Балзак, он не мучается и не мучает как Достоевский, он не мрачен как Пруст. Кроме того, он описывает всякого рода типы, среди них и восхитительные типы (редкие у Достоевского), у него есть красочные сцены, поэзия природы (т. е. сцены природы, которые действуют на нас поэтически, ибо он никогда не создает поэзии), отсутствующие у Достоевского и т. д.»³.

¹ *Pagini alese*, том II, стр. 197.

² *Pagini alese*, том I, стр. 232.

³ *Там же*, том II, стр. 173.